

Леонид ГРИШИН

ГАДЁНЫШ

История одного человека, рассказанная им самим

Я помню себя с раннего детства. Воспоминания всплывают перед глазами картинами. Помню: в одной комнате со мной — мальчик постарше меня, ухоженный, хорошо одетый, он играет игрушками и называет красивую женщину мамой, а она его — «сыночек Женечка». А рядом — я в какой-то длинной не очень чистой рубашке. Мне хочется подойти к игрушкам, но эта женщина ногой меня отталкивает, так что я падаю и отлетаю в сторону.

Другая картина: тот же мальчик сидит за столом, а та же женщина кормит его с ложечки, уговаривает: «Женечка, сыночек, скушай еще ложечку!» Мне очень хочется кушать, я приближаюсь к столу, а женщина меня отталкивает, достает из-под стола алюминиевую миску, сгребает туда остатки каши, недоеденной мальчиком Женей, крошит хлеб, смочив водой, и толкает миску ко мне по полу со словами: «На, жри, гаденыш». Вот что мне врезалось в память.

Когда подросток, я узнал, почему моя мать так не любила меня. Она приехала в провинциальный город студенткой на практику и встретила свою любовь. Это был инструктор райкома партии. Когда его назначили вторым секретарем райкома по идеологической работе, он сделал ей предложение. Она охотно согласилась, бросила институт. Молодой семье выделили дом. Через год родился первенец Женечка. Вскоре она сообщила мужу, что опять беременна, на что тот дал понять, что не планирует быть многодетным отцом, и ушел к любовнице, к своей восемнадцатилетней секретарше. Развелся и уехал в другой город.

Видимо, моя мать решила, что я испортил ей жизнь, лишив ее любимого человека. Сколько себя помню, она выражала только нелюбовь ко мне, и когда мне было одиннадцать лет, я решил сбежать из дома куда подальше на поезде. Я знал, что меня быстро поймает милиция, но как раз на это я и рассчитывал и придумал историю. Когда был пойман, я прикинулся сиротой. Милиция, как я и планировал, сдала меня в детдом.

После детдома я закончил техникум, отслужил в армии, поступил в строительный институт и стал инженером. Жизнь моя после побега из дома сложилась вполне удачно и счастливо. Прошло много лет. Вдруг получаю письмо от отца, с которым несколькими годами раньше мне пришлось связаться по кое-какой причине, откуда он и знал мой адрес. Он жил в Питере и слезно умолял навестить его. В письме отец, помимо запоздалых уверений в любви, сообщал, что три месяца назад они с последней его, пятой по счету, женой сделали размен питерской четырехкомнатной квартиры, в результате чего жена получила трехкомнатку в Москве, а он поселился в комнате в коммуналке на Васильевском острове. Туда я и приехал познакомиться с отцом, которого никогда не видел.

Нашел дом, подошел к комнате, постучал. За дверью раздалось: «Кого там еще черт принес! Чего надо?» — «Мне нужен Егор Максимович Смирнов». — «А ты кто такой будешь?» — «Я Валентин Егорович Смирнов». Дверь открылась.

«Сыночек! Родной ты мой, наконец-то я тебя увидел! Проходи, проходи, — я вошел. Посреди комнаты какой-то топчан, на нем скомканные одеяла. Рядом табуретка, используемая как стол. На стене на гвоздиках висела жалкая одежда. — Заходи, заходи, посмотри, как твой отец родной живет. Это все они, гады, виноваты, предатели трудового народа, Горбачев и Ельцин. Ты посмотри, до чего довели меня, руководителя района, ведь я же секретарь райкома партии был! А эта какая-то вертихвостка обманула меня, и я теперь живу среди бомжей, которые все у меня стащили. Мне, пенсионеру союзного значения, заслуженному человеку, понимаешь, в таких условиях приходится жить!

Хорошо, что ты приехал, дорогой мой, родной сыночек! Ты защитишь своего отца. В нашей обкраденной стране еще действуют гуманные законы, которые четко гласят, что дети должны заботиться о своих родителях. Так что ты позаботься обо мне, сынок. Видишь, в каких я условиях? Вывези меня отсюда. Я не могу уже здесь находиться. Надо отобрать мою квартиру у этой вертихвостки, обокравшей меня, так же как обкрадывают наше великое государство всякие Березовские и Гусинские. Все всех обкрадывают. И меня обокрали. Сделай что-нибудь, чтобы меня отсюда вытащить! Пересели меня в гостиницу. Лучше в «Асторию». Это моя любимая гостиница. Когда я работал секретарем райкома и ездил на конференции в Ленинград, для нас снимали номера в «Асто-

рии». Я особенно любил люкс с видом на Исаакиевский собор. Для номенклатуры, как сейчас говорят, «все включено» было: обеды, ужины, завтраки. Какую там стерляжью уху варили, ты себе не представляешь, сынок!

Ты вообще как относишься к стерляжьей ухе? Помню, мы с комиссией ездили по Волге. Какие там осетры! Нам устраивали пикники на островах и прямо при нас разделяли осетра килограмм на двадцать. Икру — в тазик, здесь же подсаживали, и буквально через пять минут она уже готова. Ох, какая это была жизнь! А эти предатели трудового народа все продали. Видишь, в каком положении оказался я, сижу среди бомжей. Я всю жизнь трудился на благо народа и партии, а в результате что? Давай так: пока ты будешь отвоевывать мне квартиру, я поживу в гостинице. Звони прямо сейчас в «Асторию», закажи мне номер. И столик закажи, мы отпразднуем нашу встречу, сыночек мой родной!

Ты, конечно, прости, что я так поздно тебя нашел. Я не знал, что над тобой издевалась твоя мать. Мне Евгений, брат твой, рассказал, что ты убежал из дома и попал в детдом. Если б я знал об этом, я бы, конечно, тебя забрал и воспитал бы из тебя достойного человека. Когда ты родился, я был на очень ответственной партийной работе и не мог позволить себе стать многодетным отцом, поэтому сказал твоей матери, что буду платить алименты и пусть она достойно воспитает детей, как и положено женщине, а я должен был работать на благо народа и партии. Я восемнадцать лет для тебя от своего бюджета двадцать пять процентов отнимал, чтобы ты нормально жил. Я не знал, как мать твоя тратила алименты. Но теперь все в прошлом. Теперь мы вместе. Теперь ты должен позаботиться о своем отце. Ведь, повторю, в этом государстве еще действуют правильные законы, обязывающие детей заботиться о родителях, так что проявляй заботу.

Всю жизнь — всю жизнь! — я трудился на благо партии и народа. Ездил даже по союзным республикам, чтобы наладить работу на местах. Ты не представляешь, как там интересно, в Средней Азии. Ты на Иссык-Куле когда-нибудь был? Ничего-ничего, я тебя свожу туда. Киргизы и узбеки — интереснейшие народы. Коран запрещает им спиртное употреблять, и они что придумывали? Нам в пиалы вместо чая наливали водку под плов. А какой плов, сынок! Его кушаешь, и невозможно насытиться. Только азиаты так умеют готовить плов. На пикниках они прямо при нас разделяли барашка и готовили плов. Какая это была красота! Кушаешь плов и из чайника вином запиваешь. Или водкой. Вот как я жил! Мне как секретарю райкома положено было раз в год отдыхать в престижных санаториях, в Сочи, в Поволжье, в странах социалистического лагеря, в Карловых Варах, в Золотых Песках. А сейчас где я? Давай, давай заказывай гостиницу!»

Я слушал это и не знал, что делать. Когда отец на минутку примолк, я сказал: «Ты извини, я прямо с поезда к тебе. У меня есть срочное дело: мне надо в проектный институт на совещание. Я вернусь, и мы все обсудим, ладно?» — «Да-да, я понимаю, я понимаю. Но не забывай, что ты должен обо мне позаботиться и вытащить меня отсюда. Сразу после совещания приезжай за мной».

Я обещал и отправился к своему старому питерскому другу, имевшему связи. Он посоветовал устроить отца в дом престарелых, сообщил, сколько это стоит, и, получив мое согласие, устроил дело моментально по телефону. Я вновь поехал к отцу. Тот с порога спросил: «Гостиницу заказал?» — «Да. Они вот-вот пришлют служебную машину. Послушай, а ты не хочешь в дом престарелых?»

Отец уставился на меня: «Ты в своем уме? Тебе лечиться надо! Как ты мог такое даже подумать? Своего родного отца сдать в богадельню? Да ты что! Ты соображаешь вообще, что ты говоришь? Я тебе еще раз напомню, что по советским законам, которые еще действуют в этой потерянной стране, дети должны заботиться о родителях, а ты хочешь избавиться от отца, который восемнадцать лет отрывал от себя двадцать пять процентов зарплаты, чтобы ты жил в нормальных условиях. Нет, друг, так не пойдет, ты обязан обо мне заботиться по всем законам, государственным и божеским. Послушай, ты вот что: купи мне двухкомнатку где-нибудь в центре, можно на Фонтанке, с хорошим видом, конечно, а не на помойку окнами. Наймешь мне сиделку, чтобы убирала и готовила кушать. И довольствие денежное мне положи сверх пенсии. В валюте, пожалуйста, а то рубль ненадежен, пляшет туда-сюда. Семьсот евро ежемесячно мне будет достаточно»...

В дверь постучали и вошли два человека. «Вы кто такие?» — «Мы приехали из гостиницы за вами». — «Вот это ты правильно поступил, сынок, что гостиницу снял», — похвалил отец и принялся собираться. Я сказал, что у меня еще дела и что навещу его позже на новом месте. Садясь в машину, отец спросил: «А столик ты заказал?» — «Да, заказал». — «Хорошо, я буду тебя ждать».

Я смотрел вслед машине в сомнениях, правильно я поступил или нет.